

Я СТАЛА МАМОЙ довольно поздно – мой сын появился, когда мне стукнуло за тридцать три. Признаюсь честно: ведя весьма активный образ жизни, я о детях не мечтала и, тем более, их не планировала. И без них все устраивало: частые командировки в столицу, путешествия по миру, причем по большей части это был не праздный отдых на пляже, а настоящие гонки по достопримечательностям...

К тому же, само понятие «дети» не вызывало отклика в душе: меня бесило, когда в самолете невозможно уснуть, потому что где-то за парой кресел от тебя голосит малыш, у которого закладывает уши... Я не понимала, почему, придя в развлекательный комплекс – боулинг, к примеру, я должна говорить тише, если рядом мамочка с маленьким ребенком. А если тот, еле перебирая ножками, устремляется вслед за брошенным мною шаром по моей же дорожке, я должна была делать умильный вид, а потом ждать, теряя оплаченное за игру время, пока того, упирающегося и верещащего, пытается поймать его родня. И было у меня четкое понимание: есть места, где детям быть неуместно – здесь отдыхают взрослые. Словом, дети ассоциировались у меня с одними только неудобствами, которые мне уж точно не нужны – куда как лучше прожить жизнь только для себя любимой.

Право на первенство

И тут – диагноз: я беременна. Да-да, именно диагноз – я не была счастлива от этой новости, понимая, что всю жизнь теперь придется перевернуть вверх дном ради того комочка, который еще не родился, а уже демонстрирует свое право на первенство, отзываясь во мне неприятным токсикозом. Впрочем, беременность я вспоминаю даже весело: токсикоз мучил недолго, работе беременность не мешала – напротив, интервьюируемые с пониманием улыбаются, когда я, уже в довольно приличном положении, приходила на беседу. А главное – на все это время были забыты диеты: торты, к примеру, я ела не кусками – а целыми коробками, приводя в недоумение всех вокруг. Да и роды не оказались кошмаром: когда последнее УЗИ показало вес моего сына в пять кило и 150 граммов, врачи приняли однозначное решение – будет кесарево сечение. Так что боли не было совсем, а лишь очень неприятные ощущения от наркоза, хоть и местного.

Своего ребенка я увидела еще на операции – мне показали его и даже приложили к груди. Но состояние было несносным: я просто не могла проявить эмоции и попросила пока унести малыша. Впервые я рассмотрела его, когда лежала в отделении интенсивной терапии, куда сначала попадают все «кесаренные». Шов безжалостно болел, когда мне и другим девочкам принесли тугие скулящие кульки. Мой – самый большой, сопровождаемый восхищенными возгласами медсестер: «Вот это богатырь!» Оказывается, это был весовой и ростовой рекорд роддома за несколько десятков лет. Знаете, он был даже красивеньким – сын сразу родился младенчиком, очень ладненьким и гармоничным, какими детишки обычно становятся в месяц, а то и в два. Но... всепоглощающей любви не было и тогда. И, слушая квохтанье соседок над своими детенышами, я смотрела в глазенки своего Андрюшки и мучительно думала: ну где же ты, материнская любовь?.. Андрюшка, кстати, тоже явно не горел ко мне страстью: взгляд устремлен куда-то в никуда, ручки ко мне не тянул, и единственное, зачем я по-настоящему ему была нужна – это молоко, которое, как назло, все никак не приходило.

И сладкой болью отдалось...

Шли дни, месяцы... Нет, конечно, я делала все, что нужно, была сумасшедшей мамашей в том, что касается ухода за малышом: бегала по больницам, мучая врачей вопросами: «А с ним действительно все в порядке?», плакала над коликами до четырех месяцев, билась с внутричерепным давлением и все заказывала и заказывала массаж, чтобы устранить его, читала умные книги, мыла и кормила, с нетерпением ждала, когда моего пацанюшку можно будет угостить настоящими вкусностями – фруктами, соками... Целовала, пьянея от запаха его маленького тельца, до ломоты в руках гладила его, упиваясь новорожденной нежностью... Все вокруг говорили, что даже не ожидали такого рыаного материнства от меня. И только себе я могла честно признаться: ну нет у меня той всепоглощающей любви, о которой наперебой рассказывали все родившие подружки.

Кому я могла об этом рассказать?.. Да никому. Мама, не желая слушать, лишь резко обрубала: «Не говори глупостей!» – она обо-

Сладко болеть родимым сыном

> А когда-то дети не вызывали отклика в моей душе

жала внука и даже мысли не допускала, что может быть по-иному. У моего отца, вовсе не чувствительного мужчины, от любви аж слезы наворачивались, когда он приходил в гости к внуку, и тряслись руки, когда он вынимал его из кроватки... А я легко могла оставить сына на ночь маме – чтобы выспаться по-человечески или сходить с мужем в кино. С удовольствием наслаждалась покоем, когда каждый день Андрюху забирали погулять на несколько часов... И все ждала: ну когда же она придет, эта моя материнская любовь?

Как обычно бывает? Ждешь-ждешь зиму, а она все равно приходит неожиданно. Вот так получилось и с моими ожиданиями. Первым словом моего сына было «мама», сказанное им в четыре с небольшим месяца. Нет, конечно, это было не осознанное обращение ко мне, а лишь многократно повторенное «мам-мам-мам-мам» – так ребенок начал произносить слоги. Но для меня это стало неописуемым счастьем. А однажды он, довольно сильно ударившись обо что-то, заплакал – громко, по-настоящему. Я подхватила его на руки, он крепко-крепко обнял меня, уткнулся в шею и, щедро обмочив ее слезами, уснул, судорожно дыша. Внутри все перевернулось, из глаз по-

текли слезы. И вот с тех пор все, что делает сын, отдается внутри сладкой болью: рвет ли он на мне волосы, молотит ли изо всех младенческих силенок ручонками по лицу... Когда у моего маленького террориста полезли зубки, он начал еще и кусать меня – прямо в лицо, до синяков – но для меня это были поцелуи, хотя, чего греха таить, довольно болезненные.

Любовь, которую дождалась

Одна из любимейших моих книг – «Супружеская жизнь» Эрве Базена. Этакая весьма ироничная семейная история, рассказанная мужем: его взгляд на жену, когда она, сначала такая притягательная и принадлежащая только

ему, рожая детей, становится настоящей клушкой. Я тоже хохотала над ней вместе с писателем. Теперь ловлю себя на мысли, что становлюсь такой же курицей в собственном доме,

когда позволяю сыну все, что он ни захочет, и до хрипоты спорю с мужем о непрекращаемом праве малыша открывать любые шкафчики, доставать все, что ему вздумается, – даже папины многочисленные запчасти от фотоаппаратуры, и марать своими ручонками все, что он захочет – даже дорожный жидкокристаллический телевизор, который якобы практически невозможно оттереть. Потому что он – Мой Сын. Хотя,

честно говоря, где-то в глубине души я все же понимаю, что не права, но пока сил бороться нет – упиваюсь всеобъемлющей любовью, которую наконец-то дождалась.

Помню, как раньше с ужасом ждала от своих подруг, ставших недавно мамочками, к которым пришла с визитом, обязательного священного момента – демонстрации фотоальбома с тысячами абсолютно одинаковых снимков своего отпрыска во всех мыслимых и немыслимых позах. Тяжело вздыхая, брала очередной увесистый фолиант в руки и, делая на лице умильную улыбку, старалась перелистывать страницы не так быстро, делая вид, что действительно люблюсь. «Не-е-ет, я такой точно никогда не буду!» – думала тогда. Но стала их абсолютной копией: подсовываю фотографии самого родного на свете личика всем, кто приходит в мой дом, оправдывая это тем, что папа наш – профессиональный фотограф, а значит, снимки красивые и всем должны быть интересны хотя бы с художественной точки зрения.

Помню, как когда-то, встречая друзей и однокурсников, ставших, пока мы не виделись, папашами и мамашами, спрашивала, как у них дела, и жутко бесилась, когда они отвечали: «Все хорошо, растем, нам уже три годика»... Ну какая мне в тот момент была разница, как там поживает ваш ребенок, совершенно мне не знакомый? Я ведь спрашиваю, как твои дела! Теперь сама абсолютно точно становлюсь человеком одной темы, когда встречаюсь с подружками – и любой разговор свожу к радостям, заботам и хлопотам, связанным с Андрюшкой...

Упиваясь сумасшествием

Сыну моему на днях исполнился годик – все говорят, самое трудное позади. Но с лукавой улыбкой добавляют при этом: «Теперь будет еще труднее» – ведь от просто физиологической заботы мы переходим на новый уровень – воспитание. Но мне почему-то кажется, что дальше будет только легче: во-первых, и в главных, потому что я точно знаю, что люблю своего малыша больше всех на свете – и он любит меня так же. Иначе почему все, что он ни делает, в ту же секунду сопровождается задорным взглядом-обращением ко мне: ну-ка, мать, оцени, как я научился! Конечно же, я часто психую – когда, к примеру, долго-долго укачиваю его на дневной сон и, как только осторожно уложу его в кроватку, тут же слышу вслед его недовольное шебуршание: куда это ты собралась? И ты понимаешь, что это еще минут двадцать песенок и пообедать по-человечески тебе уже не удастся. Но разве это главное?..

На моем телефоне – его фотография. Теперь он научился долго, громко и заливисто хохотать, и этот самый родной и сладкий голосок я хочу записать, чтобы мой телефон откликнулся им на каждый звонок. Словом, я действительно сошла с ума и упиваюсь своим сумасшествием, скупая всевозможные игрушки, красивые одежки и дорожные агрегаты для детского развития. Я без стеснения беру своего ребенка с собой и в самолет, и в рестораны, и в магазины, и даже на работу. Правда, в отличие от многих весьма нервных деток, мой ребенок очень адекватен: не плачет на людях и вполне самостоятелен, никому не мешает. Хотя, наверное, так кажется всем мамашкам.

А главное, меня перестали раздражать чужие дети. Честное слово: теперь я с умилением гляжу на кроху, которая пытается делать первые шаги – пусть даже мне, очень спешащей, под ноги. И на детский крик реагирую не иначе как: «Бедный ребенок, ну как можно плакать на руках мамочки – значит, она, глупая неумеха, делает что-то не так!»

Теперь вот мне интересно: пройдет ли мое сумасшествие? Выздоровею ли я для той жизни, какая была у меня раньше, до Андрюшки? Но если свою любовь к нему я ждала с жадностью, то свое выздоровление оттягиваю, как могу – так сладко быть больной родимым сыном!

РИТА ДАВЛЕТШИНА
ФОТО > ЕВГЕНИЙ РУХМАЛЕВ